

Воцарилось неловкое молчание. Лишь мгновение спустя до Фу Цанчжоу наконец дошёл истинный смысл слов куртизанки.

«Так они любовники? Клиент и блудница, развлекавшиеся по взаимному согласию?»

О подобном он даже подумать не мог.

Надо признать, в таких делах новоиспечённый Повелитель призраков отличался поразительной наивностью. Нет, он не был дремучим невеждой, просто никогда не интересовался плотскими утехами. В отличие от большинства затворников, он даже к рукоблудию не испытывал особого интереса, а пикантные фильмы видел от силы пару раз в жизни. Словом, девственник чистейшей пробы. Чем тратить драгоценное время на такую ерунду, он предпочитал гонять в высокоранговые сетевые игры. Какое же это было удовольствие: притвориться, будто беглецы водят тебя за нос, дожидаться, пока они расслабятся в шаге от спасительных ворот, а затем преградить им путь, жахнуть ультимативной способностью и слушать отчаянные вопли игровых персонажей! Да, игры — это прекрасно... Впрочем, его унесло куда-то не туда.

Вернёмся к реальности. Женщина безутешно рыдала, содрогаясь всем телом. Мужчина корчился в пыли, зажав руками пах и издавая истошные стоны. Фу Цанчжоу прижал кулак к губам и с самым невозмутимым видом кашлянул, пытаясь скрыть замешательство.

И как теперь прикажете это расхлёбывать?

«Удар-то вышел на славу. Если я его искалечил... покарал, так сказать, без суда и следствия? Не сочтут ли это за умышленное причинение тяжких телесных?»

«Брат Чжэнь, спаси!»

Будто услышав безмолвный призыв, Су Чжэнь явился как раз вовремя. Стоило Фу Цанчжоу увидеть его высокую фигуру, как на душе у него мгновенно отлегло.

Случайно бросив взгляд на рыдающую пленницу, юноша снова занервничал. Он поспешно заглянул в свой системный инвентарь, вытащил оттуда первый попавшийся кусок грубого холста и набросил на обнажённые плечи женщины. Вся эта «неволя» оказалась чистой бутафорией — путы развязались от малейшего натяжения.

— Прикройся, — бросил он.

Женщина уставилась на него сквозь пелену слёз, взглядом полным искреннего изумления.

«Он вообще мужчина или кто?! Перед ним сидит неопишуемая, знойная красавица, а этот сухарь мало того, что не изъявил ни капли сочувствия, так ещё и швырнул в неё рванину,

которой только покойников заворачивать!»

Фу Цанчжоу читать чужие мысли не умел и даже не догадывался о её негодовании. У него в голове вертелась одна-единственная мысль.

«Ни в коем случае нельзя позволить этой картине осквернить взор брата Чжэня!»

Сам Цанчжоу смотрел на наготу девицы без малейшего трепета — для него её прелести мало чем отличались от разделанной свиной туши. Но вот брат Чжэнь... Брат Чжэнь был солидным мужчиной на пороге тридцатилетия, к тому же убеждённым холостяком. Вдруг дрогнет его суровое сердце при виде столь откровенного зрелища? Непорядок!

«Закоренелый холостяк» тем временем подошёл ближе. Игнорируя стонущего на земле мужчину и кутающуюся в холст девицу, он устремил пристальный взор на юношу:

— Ты в порядке?

— Со мной всё хорошо, — мотнул головой Повелитель призраков, чьё сердце при виде спутника окончательно успокоилось. — А вот он...

Юноша покосился на скорчившегося на земле клиента. Тот выглядел на редкость неказисто. Су Чжэнь проследил за его взглядом.

— Кажется, я погорячился... — неловко кашлянул Цанчжоу.

На самом деле, от этого человека исходила какая-то неприятная, липкая аура, из-за чего юноша сразу записал его в злодеи. Поступать так опрометчиво, разумеется, не следовало.

— Твоей вины здесь нет, — невозмутимо произнёс Су Чжэнь, не дав ему углубиться в самобичевание.

Фу Цанчжоу опешил. Неужели такой благородный и справедливый человек, как брат Чжэнь, готов столь беззастенчиво его выгораживать? Но Су Чжэнь тут же добавил:

— Этот человек — беглый преступник.

Юноша, собиравшийся было возразить, что предвзятость до добра не доведёт, изумлённо округлил глаза. Надо же, какое совпадение! Впрочем, жизнь полна сюрпризов.

Су Чжэнь вкратце поведал о деяниях негодяя, именовавшего себя Бессмертным в изгнании. Его послужной список пестрел грязью: от мелких краж до связей с разбойниками и

вымогательства у мирных жителей. Но самым омерзительным было то, что он надругался более чем над тридцатью женщинами. Среди его жертв числились и юные невинные девушки, и замужние матроны, и даже буддийские монахини с куртизанками.

— Тюремный надзиратель проявил халатность, и негодяю удалось бежать, — пояснил Су Чжэнь. Ему довелось видеть ориентировку с портретом беглеца, поэтому он без труда опознал его.

Услышав это, Фу Цанчжоу почувствовал облегчение, хотя в его душе всё же закралось сомнение. Не то чтобы он не доверял проницательности брата Чжэня, но неужели по здешним условным наброскам на жёлтой бумаге действительно можно кого-то узнать?

Пока он размышлял об этом, тишину прорезал новый, ещё более истощный вопль.

Девушка, только что горько проливавшая слёзы, выслушала рассказ, утёрла лицо краем холста и без лишних раздумий с силой впечатала ногу прямо в пах поверженного насильника. Выместив ярость, она с облегчением сплюнула:

— Мразь!

«Она что, за мной повторяет? Хотя погодите, откуда в государстве Юй такие выражения?»

Фу Цанчжоу мысленно подивился её хватке. Глядя на то, как беглый преступник корчится в агонии на грани жизни и смерти, юноша невольно вздрогнул. Одно дело — пинать негодяев самому, и совсем другое — наблюдать со стороны, как чужой сапог безжалостно калечит чужую плоть. От этого зрелища у него самого невольно сжалось кое-что пониже спины.

Впрочем, жалости к ублюдку он не испытывал вовсе. Насильники заслуживали лишь презрения. Особенно в эту суровую эпоху, когда лишение невинности ломало судьбу женщины раз и навсегда, толкая на край гибели. Тоже мне, «Бессмертный в изгнании»... Туда ему и дорога! Пусть его похотливый корень засохнет раз и навсегда.

Переполненный праведным гневом Повелитель призраков мысленно осыпал преступника самыми изощрёнными проклятиями.

— Благодарю за спасение, молодой господин... — Девушка изящно поклонилась. — Ваша покорная слуга просит прощения за недавнее недоразумение. Надеюсь, вы не держите на меня зла.

Цанчжоу, разумеется, не собирался мелочиться. В конце концов, он действительно проявил излишнюю поспешность. Если бы этот тип не оказался закоренелым преступником, юноша изрядно навредил бы невинному. Он деликатно перевёл взгляд на платье, висевшее на ветке дерева:

— Барышня, вам лучше одеться.

Да уж, в любое время зарабатывать на хлеб нелегко. Но устраивать подобные свидания посреди глухого зимнего леса... Это требовало немалой отваги.

Юноша не удержался от мягкого совета:

— В следующий раз... может, лучше перебраться в тепло?

Так по крайней мере случайные прохожие не примут происходящее за разбойное нападение. Да и на мягкой постели наверняка приятнее, чем на холодной земле. Опасаясь задеть её чувства, он поспешно добавил:

— Всё-таки на дворе мороз, немудрено и простудиться.

Но барышню его забота ничуть не смутила. Она весело и открыто рассмеялась, позабыв о недавних слезах:

— Не беспокойтесь обо мне, молодой господин. Я девка крепкая, холода не боюсь!

Фу Цанчжоу лишился дара речи.

«У неё что, как-то иначе устроено мышление? Да и суть совсем не в погоде!»

— Я ведь понимаю, о чём вы подумали, — улыбнулась девица, ловко натягивая платье.

Слово за слово, и между ними завязался непринуждённый разговор.

Любознательный от природы юноша с интересом выслушал её историю. Выяснилось, что собеседницу звали Юй-нян, и она была куртизанкой в одном из весёлых домов округа Линьчжоу.

Её удочерил местный зазывала, так что её судьба сложилась несколько иначе, чем у большинства невольниц. Приёмный отец, работавший в публичном доме простым слугой, всей душой желал уберечь названую дочь от грязного ремесла и долго опекал её от чужих глаз. Однако судьба распорядилась иначе.

Юй-нян родилась от продажной женщины, а её мать наполовину принадлежала к народу Лоча, из-за чего девочка не могла рассчитывать на статус благополучной горожанки. Фу Цанчжоу внимательно присмотрелся к ней: черты лица девушки действительно выдавали чужеземную кровь — высокая переносица, крупные черты и, главное, непривычные для жителей

государства Юй глаза холодного серо-голубого оттенка.

Юй-нян продолжала свой рассказ. Пускай её отец и имел некоторый вес среди прислуги, для знати и богачей он оставался никем. Любой влиятельный господин мог одним словом решить судьбу его семьи. В конце концов один богатый купец положил глаз на подросшую Юй-нян и, проигнорировав мольбы отца, не поскупился на золото, чтобы забрать её себе на содержание.

Девушка противилась этому со всей силой, но ради спасения старого отца была вынуждена смириться. До этого момента повествование казалось типичной драмой о несчастной доле сироты в жестоком мире. Цанчжоу даже проникся к ней глубоким сочувствием.

Однако затем рассказчица внезапно сменила тон. По её словам, стоило ей однажды познать плотские радости в покоях купца, как она вошла во вкус и с тех пор предавалась любовным утехам с великим упоением.

Фу Цанчжоу лишь молча захлопал глазами.

Вот только была одна беда: купеческий инструмент оказался никуда не годным — коротким, вялым и бесполезным. После нескольких попыток Юй-нян поняла, что сыта по горло такими «утехами».

— Прекрати молоть чушь, — ледяным тоном оборвал её Су Чжэнь, всё это время демонстративно игнорировавший девушку. Он протянул руку и ладонью прикрыл уши юноши.
— Не смей осквернять слух Сяо Чжоу этой грязью.

Юй-нян испуганно вздрогнула и поспешно умолкла.

«Ну зачем же ты так, брат Чжэнь!» — мысленно взмолился Фу Цанчжоу.

Оборвать такую историю на самом интересном месте — да это же сущая пытка!

Как преданный ценитель чужих секретов, он руководствовался железным правилом: не бояться трудностей и не брезговать подробностями. Осквернить его слух было задачей не из лёгких!

В итоге Фу Цанчжоу из вежливости решил проводить одинокую барышню до дома. Что же касается несостоявшегося любовника, его уволокли безмолвные гвардейцы «Детей семи светил», появившиеся словно из-под земли. По дороге юноша всё-таки выведал окончание истории.

Юй-нян поведала, что терпела несостоятельность своего покровителя лишь ради отца. Но время шло. Приёмный родитель скончался, и девушка сразу же порвала все связи с купцом. Получив долгожданную свободу, она пустилась во все тяжкие, отбросив любые приличия.

Однако её ненасытную натуру всё равно что-то грызло. Случайно она открыла в себе странную склонность — непреодолимую тягу к боли, связыванию и ударам плетью.

Лицо Фу Цанчжоу вытянулось. Настоящая мазохистка!

Поначалу Юй-нян сама пугалась своих наклонностей, но позже встретила единомышленников и поняла, что в этом нет ничего постыдного. Беда заключалась в другом: ей по-прежнему было трудно найти постоянного партнёра. Вовсе не из-за чрезмерных appetитов, а из-за её внешности. Она уродилась на редкость рослой, статной и крепкой, с чуть грубоватой кожей и густым пушком на теле — совсем не тот тип хрупкой красоты, который ценили мужчины государства Юй.

Конечно, встречались и ценители, вроде того покойного купца, питавшего слабость к заморской экзотике. Чертами лица Юй-нян не уступала записным красавицам и при должном уходе казалась весьма соблазнительной. Однако те, кто западал на её необычную внешность, редко соглашались брать в руки плеть.

Получается, тот грязный беглый преступник был её единственным шансом получить желаемое? Юноша покачал головой.

Фу Цанчжоу не знал, смеяться ему или плакать.

«То ли это мой статус попаданца притягивает ко мне всяких чудаков, то ли я отстал от жизни, и здешние обитатели в своих пристрастиях дадут сто очков вперёд современной молодёжи?»

— И всё же устраивать подобное в лесу слишком опасно, — мягко заметил он.

Пускай увлечения Юй-нян вызывали у него лёгкую оторопь, она оставалась одинокой сиротой. В этом жестоком патриархальном мире женщинам приходилось несладко, даже если природа наградила их недюжинной силой. Им следовало беречь себя. Впрочем, прислушается ли она к его словам — уже не его забота.

— Молодой господин, вы на редкость добрый и заботливый человек, — нежно рассмеялась Юй-нян, обдав его чарующим взглядом.

Фу Цанчжоу лишь отмахнулся.

— Время позднее, — вкрадчиво пропела она, — не желает ли господин остаться у меня на ночь?

Юноша, не уловив скрытого подтекста, бесхитростно ответил:

— Премного благодарен, но не стоит беспокоиться. Мне есть где заночевать.

Юй-нян открыла рот, собираясь зайти с другой стороны, но Су Чжэнь, безмолвной тенью следовавший за ними, властно прервал её:

— Сяо Чжоу, нам пора.

Цанчжоу послушно кивнул, вежливо поклонился собеседнице и без лишних слов произнёс:

— Доброго вам здоровья.

— Господин!.. — крикнула было Юй-нян, но спутники уже скрылись за поворотом дороги.

Она раздосадованно притопнула ножкой и тихо проворчала:

— Ну и глупый же ты гусь!

Затем её брови сошлись на переносице.

— А тот молчаливый великан... — прошептала она себе под нос. — Неужто его названный брат?

Она вздохнула с лёгким сожалением. Какая жаль! Юй-нян терпеть не могла неотесанных грубиянов, отдавая предпочтение нежным и хрупким юношам. Ради такого очаровательного создания она согласилась бы на всё... даже сама доплатила бы золотом, лишь бы провести с ним ночь. Увы, озвучить это заманчивое предложение она так и не решилась. Спутник юноши излучал слишком тяжёлую, давящую ауру и охранял свою добычу свирепее цепного пса. К такому лучше было не соваться.

Шагая по ночным улочкам рука об руку с Су Чжэнем, юноша наслаждался тишиной, пока его спутник не нарушил молчание негромким предостережением:

— Продажные девицы хитры и изворотливы, Сяо Чжоу. Тебе не стоит верить их речам.

Фу Цанчжоу озадаченно моргнул.

«Это он о чём? В чём она могла меня обмануть?»

Неужели вся её исповедь была лишь выдумкой ради забавы? Хотя постойте. Пускай Юй-нян и

отличалась весёлым нравом, едва ли нормальный человек станет первому встречному рассказывать о своих тайных пристрастиях к плетям... Зачем она вывалила на него всё это?

Су Чжэнь озвучил его догадку:

— Эта девица положила на тебя глаз и пыталась вскружить тебе голову сладкими речами.

Фу Цанчжоу лишился дара речи.

«Брат Чжэнь, у тебя что, словарный запас иссяк? Какое ещё к чёрту очарование? Я вообще-то мужественный и привлекательный парень!»

«Подождите...» — до него наконец дошёл истинный смысл её приглашения.

Но обсуждать подобные пикантные подробности со своим спутником ему было чертовски неловко.

Су Чжэнь строго кивнул:

— Те, кто проводит жизнь в весёлых кварталах, коварны и лживы. Держись от них подальше.

Юноша промолчал. Вообще-то он не считал Юй-нян плохим человеком. Да, у неё были весьма специфические вкусы, но в спальне каждый волен делать то, что ему по душе, пока это устраивает обе стороны. И всё же...

— Не волнуйся, брат Чжэнь. Мы едва знакомы, я лишь помог ей в беде.

Он не питал предрассудков к куртизанкам, но и заводить с ними дружбу не планировал. Забота Су Чжэня тронула его, хоть и казалась слегка избыточной... Пойдите-ка.

«Неужели он... ревнует?»

В сто первый раз Фу Цанчжоу погрузился в глубокие и мучительные раздумья о чувствах, которые питал к нему этот суровый воин.

Разговор о куртизанках сошёл на нет. Вернувшись в отведённые им покои, они улеглись спать. Ночь прошла на редкость спокойно и безмятежно.

Наутро они вновь поднялись на палубу. Огромный корабль снялся с якоря и продолжил свой путь. Так незаметно пролетело ещё два дня.

До наступления Нового года оставались считанные дни, поэтому судно шло без остановок. Приняв облик Повелителя призраков, юноша наконец-то избавился от мучительной морской болезни. Закончив с ежедневными упражнениями в сосредоточении, он развлекал себя тем, что бесплотной тенью скользил по всему кораблю.

Пейзажи полноводной реки Линьцзян поражали своим величием, но за несколько дней непрерывного пути одинаковые виды успели изрядно приесться. За неимением других развлечений Фу Цанчжоу частенько заглядывал к Су Чжэню — единственному, кто мог видеть его в призрачном обличье, — чтобы перекинуться парой слов.

— Что-то случилось? — не удержался от вопроса юноша.

За время их совместного путешествия он научился читать по лицу Су Чжэня, казавшемуся окружающим каменной маской. Вот и сейчас во взгляде мужчины сквозила тень с трудом скрываемой тревоги.

Вместо ответа Су Чжэнь протянул ему исписанный лист бумаги. Фу Цанчжоу без лишних церемоний заглянул в донесение. В нескольких кратких строках сообщалось о недавних событиях на реке Линьцзян, где промышляли банды отпетых речных пиратов и разбойников.

— Кто-то перерезал сухожилия жожакам четырёх крупнейших банд? — удивлённо протянул юноша, вчитываясь в строки. — А рядовых разбойников скопом сдали местным властям? — Его голос потеплел. — Потрясающе! И ведь какой благородный герой: разгромил логово бандитов, но не пролил ни капли лишней крови.

В отчёте упоминалось, что эти разбойники отличались незаурядным боевым мастерством и хитростью. Местные гарнизоны безуспешно пытались уничтожить их долгие годы. Обычно бандиты вели себя осмотрительно, стараясь не гневить столичные власти сверх меры и промышляя лишь мелким грабежом. Но под Новый год, когда у чиновников и без них хватало забот, они совсем распоясались — грабили торговые караваны, топили суда и навели ужас на всю округу. Настоящая головная боль для управы.

И вдруг объявился неизвестный заступник — или целый отряд, — который не просто вычислил тайные убежища пиратов, но и без лишнего шума связал всех до единого преступников, доставив их прямо к дверям правосудия. Поражало то, с какой выдержкой действовали эти таинственные мстители: самосуд они учиняли лишь в крайних случаях, ловя убийц с поличным.

— Может, это какой-то странствующий мастер решил восстановить справедливость? — предположил Фу Цанчжоу. Подобное благородство очень перекликалось с его собственными представлениями о чести. — В любом случае, дело-то благое. Так почему ты хмуришься, брат Чжэнь?

— Я не хмурюсь, — негромко отозвался воин, указывая пальцем на описание ран на телах бандитов. — Судя по характеру увечий, они были нанесены копьями-кистями, которые используют бойцы из военного лагеря Лоуцзинь.

— Лагерь Лоуцзинь? Он ведь тоже входит в Гвардию Хубэнь?

Су Чжэнь подтвердил его догадку:

— Да. Оружие в каждом из восемнадцати лагерей уникально. Раны, оставляемые копьями-кистями бойцов Лоуцзинь, невозможно спутать ни с какими другими.

— Стало быть, это их рук дело? Но что здесь не так?

— Бойцы лагеря Лоуцзинь сейчас выполняют куда более важное государственное поручение. Их здесь быть не должно, и уж тем более они не имели права отвлекаться на заурядных разбойников.

Юноша на мгновение задумался:

— Превышение полномочий?

Хоть поступок неизвестных воинов и вызывал у него искреннее восхищение, армейский устав суров и требует беспрекословного подчинения.

Су Чжэнь покачал головой:

— Все воины лагеря Лоуцзинь находятся на своих постах. Перемещений не зафиксировано.

— Значит... кто-то выдаёт себя за них? — Фу Цанчжоу тут же выдвинул несколько версий, от заговора до тайной самодеятельности дезертиров.

Су Чжэнь промолчал, погружившись в размышления. Спустя мгновение он ласково коснулся макушки юноши, прерывая его догадки:

— Тебе не стоит забивать этим голову, Сяо Чжоу.

Тот смущённо кашлянул. Вовсе он и не забивал голову, просто любопытство одолело.

— Но у тебя из-за этого не возникнет неприятностей? — этот вопрос волновал его сильнее всего.

— Пустяки, — холодно обронил Су Чжэнь. — Подобный сброд заслуживает лишь смерти.

Фу Цанчжоу вздохнул с облегчением. Всё-таки в минуты гнева его спутник бывал чертовски грозен. Впрочем, пираты действительно получили по заслугам.

За неимением улик разговор о безвестных спасителях пришлось свернуть.

— Брат Чжэнь...

Юноша хотел было сменить тему, но внезапно его призрачная аура дрогнула, а лицо посерьёзнело.

Су Чжэнь мгновенно подобрался:

— Пойдём проверим.

— Будь осторожен, — бросил Фу Цанчжоу. Он уже собирался вылететь сквозь стену, но вовремя спохватился и мгновенно вернул себе осязаемое человеческое тело.

— Господин, молодой господин, — низко поклонился поспешивший к ним Баоцзин. — Впереди по курсу наползает странный, неестественно плотный туман.

Повелитель призраков почуял неладное ещё мгновением ранее. Без лишних слов он шагнул к носу корабля, поднял левую руку и растопырил пальцы. В его ладони зародился невидимый глазу вихрь, мгновенно начавший затягивать в себя клубы призрачной мглы. Серая пелена с тихим свистом устремилась в воронку и в считанные секунды бесследно растаяла, открывая чистый горизонт.

Солнце уже почти село, наступал час Петуха. Сгущающиеся сумерки мешались с ленивыми речными волнами, стирая границы между небом и водой.

Внезапно перед глазами Фу Цанчжоу возникла широкая тёплая ладонь, полностью перекрывая обзор.

— Брат Чжэнь, убери руку, — взмолился юноша, чувствуя, как лицо заливают краска смущения.
— Они... они уже закончили.

Ну что за напасть! Каким образом он умудряется раз за разом наткаться на чужие любовные игры? К тому же один из участников непотребства оказался его недавней знакомой.

— И кто это тут мешает честным людям развлекаться? — донёлся с воды кокетливый, подозрительно знакомый голосок. — Ах, молодой господин! И вы, суровый защитник.

Фу Цанчжоу аккуратно отвёл руку Су Чжэня от лица и уставился на Юй-нян. Точнее, на её призрачный силуэт, парящий над водой. В глазах юноши на миг вспыхнул багровый огонёк истинного зрения.

— Как ты... — он осёкся. Спрашивать покойницу в лоб о причинах её кончины было как-то нетактично.

Юй-нян без труда поняла его замешательство и беспечно отмахнулась:

— Да просто не повезло. Ну да ладно, после смерти дышится куда легче!

Фу Цанчжоу тактично промолчал.

«Уж куда свободнее... При жизни любила поразвлечься на лоне природы, а теперь, став духом, устроила непотребство прямо посреди реки».

Особенно поражал её нынешний партнёр. Юноша осторожно покосился на то существо, с которым кувыркалась покойница. Уродливая морда, покрытое мокрой шерстью тело... Это был вовсе не призрак безвременно ушедшего человека, а самое настоящее водяное чудище.

В народе таких тварей звали водяными обезьянами. По сути, они рождались из тёмной энергии застоявшейся воды и отчаяния утопленников. Не призраки, не демоны, не люди — некая промежуточная форма жизни, отдалённо напоминающая лесных духов, но лишённая их благородства. Злобными их назвать было нельзя, однако они обожали пакостить живым, утягивая неосторожных купальщиков на дно.

Фу Цанчжоу поспешно отвернулся. Какое убожество, глаза бы не глядели! Впрочем, жизнелюбию Юй-нян можно было только позавидовать: не прошло и трёх дней с её кончины, а она уже совратила речную нечисть. Неужели при жизни её плотский голод был настолько силен?

Просто уму непостижимо. К счастью, эта парочка преградила путь кораблю ненамеренно — они просто слишком увлеклись процессом и не заметили приближения судна. Наказывать их за это юноша не собирался.

Юй-нян между тем с любопытством оглядела его:

— Послушайте, молодой господин, а вы ведь непростой человек, верно?

Фу Цанчжоу, собиравшийся вежливо попросить их убраться с судоходного пути, на мгновение задумался, после чего извлёк Книгу жизни и смерти. Представившись как подобает хранителю, он негромко произнёс:

— Юй-нян, согласишься ли ты оставить своё имя в этом свитке?

Запись в Книге накладывала определённые обязательства, но в то же время служила надёжной защитой для неприкаянных душ. Узнав, с кем имеет дело, куртизанка мгновенно растеряла всю свою игривость. С глубоким почтением она коснулась страниц, оставив на них след своей духовной энергии.

Цанчжоу бегло просмотрел появившиеся сведения. На удивление, её смерть была трагической, но благородной. Оказывается, Юй-нян погибла, спасая человека — её ударили ножом, и она скончалась от потери крови. Эта девушка действительно обладала чистой душой, пусть её земные увлечения и казались весьма эксцентричными.

Юноша мысленно вздохнул и произнёс:

— Что ж, вам пора уходить. И на будущее... Пожалуйста, не устраивайте подобные свидания прямо посреди реки.

Юй-нян кокетливо прикрыла рот ладонью:

— Слушаюсь, господин. Впредь мы выберем более уединённое местечко.

Фу Цанчжоу промолчал.

«Неужели так трудно найти нормальную постель?»

Он перевёл взгляд на водяную обезьяну. Бедная тварь под его взором задрожала мелкой дрожью и испуганно спряталась за спину призрака Юй-нян. После явления Книги жизни и смерти чудище не смело даже пикнуть. Фу Цанчжоу не стал принуждать его к регистрации — всё-таки Книга предназначалась для людских душ, а не для мелкой речной нечисти.

Парочка поспешно скользнула в глубину и скрылась в речных волнах.

— Всё в порядке, скажи людям, чтобы не волновались, — велел Фу Цанчжоу подошедшему Баоцзиню.

Затем он повернулся к Су Чжэню и со смешком покачал головой:

— Ну и ну... Эта Юй-нян неисправима.

— Сяо Чжоу, помыслы этой женщины туманны... — начал было Су Чжэнь.

— Не волнуйся, брат Чжэнь! — поспешно перебил его юноша. — Я не собираюсь заводить близкое знакомство ни с живыми девицами, ни с призраками. Ты слишком мнителен.

Однако спустя несколько часов Фу Цанчжоу горько пожалел о своей беспечности.

«Признаю... Это не брат Чжэнь мнителен, это я круглая сирота в плане житейской мудрости».

Перед ними стоял очередной призрак. Молодая миловидная девушка, дрожащая от ужаса, умоляюще смотрела на стоявших рядом юношу и генерала. Несмотря на сковавший её страх, она упрямо шептала:

— Умоляю... проявите милосердие, спасите госпожу Юй-нян! Она в опасности...

Юй-нян? Услышав имя недавней знакомой, Фу Цанчжоу мгновенно растерял всю иронию и посерьёзnel:

— Успокойся и расскажи всё по порядку. Что случилось? Кто ты такая и почему зовёшь на помощь? И с чего ты взяла, что Юй-нян грозит беда?

<http://bllate.org/book/19708/2001270>